

УДК 94(47)"1917"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/4

ВОЕННЫЙ ТЕРРОР КОМАНДОВАНИЯ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ И СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЕ (ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)

Р.В. Гула¹, И.Г. Передерий²

Полтавский национальный технический
университет им. Ю. Кондратюка

Украина, 36011, г. Полтава, Первомайский проспект, 24

¹E-mail: rslnhula1@gmail.com

²E-mail: iryna.perederii@gmail.com

Авторское резюме

Падение самодержавия в феврале 1917 г. в России объективно способствовало развитию процессов демократизации во всех сферах жизни общества. Вместе с тем отсутствие традиций демократии и европейского парламентаризма в Российской империи привело к дезорганизации политических институтов государства, управленческому хаосу и росту анархических тенденций в общественно-политической практике. В условиях войны объективно назревшие процессы демократизации армии реализовались популистскими псевдореволюционными методами, которые в конце концов привели к катастрофическому падению воинской дисциплины, тотальной дискредитации офицерского корпуса и морально-психологическому разложению личного состава вооруженных сил. Следствием данных деструктивных проявлений стала общеармейская тенденция эскалации военно-криминального террора военнослужащих по отношению к гражданскому населению. С целью наведения уставного порядка, воинской дисциплины и управляемости войск в условиях ведения боевых действий командование Юго-Западного фронта в период февраля – октября 1917 г. принимало адекватные меры военного террора.

Ключевые слова: военно-криминальный террор, военный террор, социальный террор, Юго-Западный фронт.

MILITARY TERROR OF SOUTH-WESTERN FRONT TROOPS COMMAND IN EASTERN GALICIA AND NORTHERN BUKOVINA (FEBRUARY–OCTOBER 1917)

R.V. Hula¹, I.G. Perederii²

Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University
24 Pershotravnevyy Avenue, Poltava, 36011, Ukraine

¹E-mail: rslnhula1@gmail.com

²E-mail: iryna.perederii@gmail.com

Abstract

The paper focuses on the reasons, content, forms, peculiarities and resource base of the military-criminal terror of the South-Western Front armies against civilians of Eastern Galicia and Northern Bukovina and measures of front command military terror to maintain the controllability of troops in February–October 1917. The fall of autocracy in Russia in February 1917 contributed to democratisation in all spheres of society. However, the lack of traditions of democracy and European parliamentarism in the Russian Empire resulted in the disorganization of state political institutions, administrative chaos and the growth of anarchic tendencies. Under conditions of war, the urgent processes of army democratisation were carried out by populist “revolutionary” methods, which led to a catastrophic lack of military discipline, total discredit of the officer corps and moral and psychological disintegration of the armed forces. These destructive processes caused the general trend of escalating military-criminal terror of servicemen towards civilians. The command of the South-Western Front had to take adequate measures of military terror to establish order, military discipline and controllability of troops under conditions of combat operations in February–October 1917.

Keywords: military-criminal terror, military terror, social terror, South-Western Front.

В ходе Первой мировой войны военный террор часто принимал форму **военно-криминального террора**, который может быть определен как *системное использование криминальных методов насилия регулярными вооруженными формированиями в отношении мирного населения в условиях комплексного кризиса военной организации государства с утилитарно-меркантильными целями, что подпадает под юрисдикцию типа преступлений общеуголовного характера* (Гула 2018: 26–28).

Причинами эскалации военно-криминального террора войск Юго-Западного фронта по отношению к населению Карпато-Днестровского региона были:

- интенсификация развала армии после Февральской революции. Объективно назревшие процессы демократизации армии реализовались в популистских псевдодемократических формах, что в условиях войны привело к тотальной деморализации офицерского состава и деградации войск;

- процессы необратимой деформации психики комбатантов, вызванные экстремальными условиями ведения боевых действий;

- маргинализация и депрофессионализация командного состава;

- падение качества призывного контингента за счет мобилизации лиц с криминальным прошлым;

- развал системы тылового обеспечения, толкавший солдат на акции «самообеспечения» за счет мирных граждан.

После падения царизма процессы разложения армии как политического института приняли необратимый характер. Коллапс государственного управления в наиболее диких формах проявился именно в армии. Уже в эмиграции управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков признавал, что, «несмотря на все оговорки, приходилось... констатировать, что революция нанесла страшнейший удар по нашей вооруженной силе, что ее разложение идет колоссальными шагами, что командование бессильно» (Набоков 1924: 131).

Иллюстрацией морально-психологической атмосферы в армии в то время могут служить следующие примеры. Уже 22 февраля 1917 г. в обращении Киевского совета офицеров звучат призывы к солдатам о соблюдении дисциплины и исполнении своего долга. 27 февраля в Киеве «на собрании солдатских и офицерских депутатов по вопросу о дисциплине и дезертирстве офицеры доказывали необходимость соблюдения внешней дисциплины и отдания чести... [Однако] все солдаты с возбуждением поддержали требование об уничтожении этих пережитков» (1917 год на Киевщине 1928: 10, 14).

Неудивительно, что после таких «дебатов» процессы деградации военной организации перешли в неконтролируемое властями русло, сопровождаясь волной массового **социального террора** со стороны солдат по отношению к офицерскому корпусу.

Следует обратить внимание на то, что меры по демократизации армии объективно созрели и в обществе, и в военной организации (Верховский 1992). Поэтому оценка социального террора по отношению к офицерам должна учитывать тот факт, что к концу войны антагонистические противоречия между офицерским составом и

солдатской массой достигли своего апогея. Обращение с солдатами как с расходным материалом, который нуждается лишь в применении властного давления, отношение к нижним чинам как к «навозу» были характерны для подавляющего большинства офицеров того времени. Сформированный в течение веков в сознании солдата стереотип «офицера-помещика» вызывал неприязнь, которая постоянно накапливалась. Все это привело к взрыву солдатской ненависти в 1917 г. в форме массовых убийств офицерского состава (Гребенкин 2010: 57).

В дневниковых записях З.Н. Гиппиус от 13 (27) февраля – 15 (2 марта) февраля 1917 г. читаем, что в некоторых восставших полках «убиты офицеры, командиры и генералы... В войсках дезорганизация полная... Солдаты то арестуют офицеров, то освобождают, очевидно, сами не знают, что нужно делать и чего они хотят. На улице отношение к офицерам явно враждебное» (Гиппиус 1990).

Уже 25 марта 1917 г. военный комиссар Киевского военного округа К.М. Оберучев отмечал «неоднократные случаи арестов офицеров солдатами» и призывал прекратить насилие над офицерами (1917 год на Киевщине 1928: 22). Однако председатель Государственной Думы М.В. Родзянко все эти эксцессы интерпретировал в идеалистически-наивных представлениях революционной романтики: «Революционная волна... конечно, докатилась и до окопов... Возможно, были некоторые настроения... выразившиеся... в ненужных трениях между солдатами и офицерами, и что наши доблестные офицеры переживали тяжелые минуты» (Стенографический отчет 1917: 4).

Падение авторитета офицерского корпуса напрямую вело к потере какого-либо авторитета власти вообще. Поэтому просто жалкими выглядели потуги комиссаров Временного правительства остановить криминализацию войск. Например, во время Острожского погрома 28 сентября 1917 г. туда прибыл уполномоченный комиссара при XI армии, «который пытался применить меры нравственного воздействия» на участников бесчинств, «но меры эти оказались безуспешными, так как грабеж продолжался на глазах самого комиссара и прочих властей» (ЦГИАУК: 2).

Характерным явлением стало массовое дезертирство. В результате провала июньского наступления Юго-Западного фронта в 1917 г. «беспорядочный отход армий к границам отмечался небывалым развитием дезертирства. За одну ночь «батальон смерти XI армии задержал в окрестностях Волочиска около 12 тысяч дезертиров» (Покровский 1925: 181). Попытки остановить дезертирство «революционной фразой» объективно были обречены на неудачу. Газета партии эсеров «Земля и воля» 20 сентября 1917 г. описала типичный для того времени пример: «Горячий революционер, убеждая депутацию

солдат не пользоваться раньше времени слухами о демобилизации старших возрастов и не делать самочинных выделений, получил в ответ на свое сравнение старого и нового порядков такую реплику: «Да нам все одно, что царь, что Керенский»» (Петрищев 1917: 315).

Подготовка летнего наступления Юго-Западного фронта в Восточной Галиции в 1917 г. осуществлялась в атмосфере тотального «торжества демократии и свободы»: «Войска митинговали, соглашаясь, как правило, с каждым из бесчисленных ораторов, хотя бы и говоривших совершенно противоположное. В одной и той же дивизии сплошь да рядом один полк выносил постановление наступать, второй высказывался только за оборону... а третий, ничего не постановляя, втыкал штыки в землю и самотеком шел домой – в Тамбовскую губернию, до которой “немцу не дойти”. Последнее решение зачастую принималось через четверть часа по вынесении “единогласно и восторженно” резолюции воевать до победного конца. Этот сумасшедший дом преподносился ничего не смыслившим делегациям английских и французских социалистов как величайшее достижение демократии XX столетия» (Керсновский 2014: 282–283). Последствием перманентного процесса «демократизации» явился провал июньского наступления Юго-Западного фронта.

В результате бездумной «демократизации» армии эскалация военно-криминального террора стала общеармейской тенденцией (Гончаров 2010: 5–6). В ходе неудачного наступления армий Юго-Западного фронта в июне 1917 г. на Галич и Калуш войска захлестнула эпидемия системного насилия в отношении мирного населения. По воспоминаниям Я. Кальницкого, объектами грабежей и насилия, как правило, становились городские жители. «Особенно доставалось им от “бравых” казаков, для которых вся война обычно заключалась в охоте на “шпионов”. ...За шпионов (вследствие неумения поймать настоящих) сходили не имевшие хлеба, заедаемые вшами несчастные люди» (Кальницкий 1924: 22).

Заслуживают внимания и примеры военно-криминального террора при отступлении русской армии из Черновцов летом 1917 г., оставленных командующим 7-й кавалерийской дивизии генерал-майором П.Н. Врангелем: «Город горел в нескольких местах, толпа солдат, разбив железные шторы, громила магазины. Из окон домов неслись вопли, слышался плач. На тротуаре валялись разбитые ящики, сломанные картонки, куски материи, ленты и кружева вперемешку с битой посудой, пустыми бутылками из-под коньяка. Войсковые обозы сплошь загроутили улицы. ...В каком-то магазине мы застали грабителей, занятых опоражниванием ящиков с чайной посудой. ...На соседних улицах грабеж продолжался» (Врангель 2002: 51–52).

Проявление военно-криминального террора в войсках объясняется и процессами объективной необратимой деформации психики комбатантов (Сенявская 1997). Эти кризисные явления приобрели к 1917 г. настолько массовый характер, что Е.Н. Трубецкой с тревогой отмечал: «Для меня гораздо важнее отметить опасность, которая надвигается на нас. Это опасность утраты человека и замены его зверем; ибо зверь, жестокий и беспощадный, чуждый сентиментальности и дрессированный на злобу, – во многих отношениях гораздо более пригодное орудие для государства» (Трубецкой 1917: 90). Именно это «озверение народа» в последующем эффективно использовали большевики.

Свою негативную роль сыграла также маргинализация младших командиров. Уже в 1915 г. обозначился значительный дефицит данной категории военнослужащих. Командование разрешало эту проблему путем ускоренного обучения отличившихся унтер-офицеров и солдат. Таким образом, изменился социальный облик младших офицеров: это были уже преимущественно выходцы из «третьего сословия», у которых отсутствовали навыки твердого управления вверенными подразделениями. Серьезной проблемой стала профессиональная и моральная деградация унтер-офицерского состава, некоторые из них утверждали обретенную власть путем насилия относительно мирного населения. Так, во время Острожского погрома 27–28 сентября 1917 г. «по показанию отдельных лиц, подпрапорщик Матвеенко... когда начался пожар магазинов, кричал: “не надо тушить, пусть жида горят”» (ЦГИАУК: 5).

Вследствие дезорганизации и управленческого коллапса вооруженных сил происходили процессы стихийного «сращивания» криминалитета с огромной массой вооруженных людей, которые все больше напоминали полубандитские формирования. «По показаниям прапорщика Эгизьянца и некоторых других свидетелей, когда солдаты 266 пехотного запасного полка приступили к погрому еврейских магазинов, к солдатам быстро примкнули темные и несознательные элементы из местных жителей, и весь погром носил чисто стихийный характер» (ЦГИАУК: 4).

Усиливались и процессы стихийной криминализации личного состава армии. В воспоминаниях корпусного врача VII Сибирского корпуса Юго-Западного фронта В.П. Кравкова от 13 июля 1917 г. констатируется факт, свидетельствующий о крайней степени деградации солдатской массы: «Грабежи и разбои принимают колоссальные размеры: сегодня на месте преступления схвачены были два солдата, взломавшие двери комнаты “комкора” и замок его чемодана; все вынутые вещи неизвестно куда пропали» (Кравков 2014: 346).

Одной из причин усиления военно-криминального террора было изменение качества призывного контингента. Еще 20 января 1916 г. Министерству юстиции высочайшим повелением было разрешено призывать для военно-инженерных работ на фронте осужденных без поражения в правах. Положение Совета министров от 3 февраля 1916 г. позволяло призывать на военную службу лиц, находившихся под следствием и отбывавших наказание за незначительные преступления (Твердюкова 2007: 30–31).

Однако кардинально изменило положение дел с призывом Постановление Временного правительства от 17 марта 1917 г. «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления», которое, по сути, являлось актом общего помилования. Пункт 10¹ Постановления предусматривал освобождение от уголовной ответственности и наказания всех представителей криминалитета при желании послужить Родине на поле брани в рядах защитников свободной России (Сборник указов 1917: 277).

Вследствие «апофеоза революционного гуманизма» по состоянию на 1 апреля 1917 г. количество преступников в тюрьмах и на каторге сократилось на 75 % и составляло 41 509 арестантов. Так, в одесской тюрьме оставалось только около 100 заключенных, из которых 41 уголовник 6 мая 1917 г. был отправлен в действующую армию. Прошедшие «тюремные университеты» представители криминального мира сразу заняли лидирующие позиции в воинских коллективах и без особых усилий оказывались в различных солдатских комитетах (Твердюкова 2007: 33). Казачий офицер-артиллерист А.А. Упорников в письме домой от 22 марта 1917 г. сообщал: «На фронт посылают полицейских, жандармов и каторжных. Надо побыть в шкуре офицера, чтобы точно понять, что этого делать нельзя» (Упорников 2007: 61).

Поэтому неудивительно, что по результатам расследования того же Острожского погрома стало известно, что в нем «принимали деятельное участие те части пополнения 266 пехотного запасного полка, которые лишь накануне погрома, т. е. 26 сентября с. г. прибыли в г. Острог из Красноярска, и в которых имелось много лиц с уголовным прошлым, в том числе амнистированных в марте месяце с. г.» (ЦГИАУК: 4).

Следует отметить, что основная масса условно амнистированных на фронт абсолютно не стремилась и вернулась к прежней деятельности среди мирного населения. «Эти убийцы, воры и грабители, переодевшись в форму нижних чинов, нагло врываются в частные квартиры, производят незаконные обыски, грабят, насилуют, наводя ужас», – так власти выразили сожаление по поводу поспешной амнистии уголовников (Сборник указов 1917: 364).

Одновременно следует обратить внимание и на дезорганизацию работы армейских тыловых структур, толкавшую солдат на акции «самообеспечения» за счет мирных граждан. В материалах того же дела об Острожском погроме имеется также свидетельское показание командира 12-й роты 266-го пехотного запасного полка подпоручика Колмазина, удостоверившего, что приблизительно за неделю до бесчинств «солдаты его роты настойчиво требовали мыла, которого интендантство почему-то не присылало, и грозили, что они пойдут в город и возьмут мыло у торговцев-евреев» (ЦГИАУК: 4).

Ресурсной базой военно-криминального террора являются части и подразделения регулярных вооруженных сил, которые непосредственно принимают участие в ведении боевых действий и по критериям низкого морально-психологического состояния личного состава склонны к проявлениям крайних криминальных форм насилия в отношении мирного населения противника и граждан собственного государства.

В условиях мирного времени военный террор может быть определен как *форма ведения боевых действий с проявлениями особой жестокости военных (военно-полицейских) операций в отношении мирного населения, бесчеловечное отношение к военнопленным при тотальном нарушении норм международного гуманитарного права для достижения политических целей войны* (Гула 2016: 22). В реалиях ведения боевых действий **военный террор** (особенно с февраля 1917 г.) трансформировался в комплекс объективно необходимых оправданных мер насилия, применяемых командованием по отношению к подчиненным войсковым формированиям с целью ликвидации проявлений ими криминальных действий, а также использование методов жесткого военного администрирования в условиях войны для наведения порядка в Российском государстве и преодоления хаоса (Гула 2018: 28).

Последствием перманентного процесса псевдодемократизации армии явился провал наступления Юго-Западного фронта. «Армия обезумевших темных людей, не огражденных властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит, – прямолинейно высказывался главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов. – Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс» (Цветков 2006: 66). «На полях, которые нельзя назвать полями сражений, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования», – такова характеристика, данная Л.Г. Корниловым

общему положению Юго-Западного фронта после провала летнего наступления 1917 г. в Галиции (Керсновский 2014: 291).

Наведение порядка осуществлялось в армии жесточайшими методами **военного террора** со стороны командования, которые были объективно оправданны в условиях ведения боевых действий.

При ликвидации бесчинств войск при отступлении из г. Черновцы летом 1917 г. командующий 7-й кавалерийской дивизией генерал-майор П.Н. Врангель применял адекватные обстановке меры по отношению к грабителям: «К шести часам утра на улице показался разъезд, подходил полк польских улан. Я приказал командиру полка, не стесняясь мерами, восстановить порядок. Тут же было поймано и расстреляно на месте несколько грабителей, и к утру в городе было совсем спокойно» (Врангель 2002: 52).

В ходе нейтрализации бесчинств нижних чинов 266-го пехотного запасного полка в г. Острог Волынской губернии 27–28 сентября 1917 г. только передислокация и боевое применение четырех уланских эскадронов позволили навести порядок: «Из 15 рот полка было извлечено 52 подозреваемых, которые по распоряжению уполномоченного комиссара заключены под стражу». Их выдали как зачинщиков и участников погрома после того, как полк по частям был оцеплен уланами. Это удалось во всех ротах, кроме первой. «Упорствовавшая первая рота, состоящая в большинстве из бывших каторжников, была обыскана, при чем у 32 солдат были найдены разные предметы, похищенные во время разгрома. Эти лица были также заключены под стражу, а рота в остальном составе подвергнута аресту в ротном помещении» (ЦГИАУК: 3).

В результате провала наступления Юго-Западного фронта летом 1917 г. «генерал Корнилов, главнокомандующий Юго-Западным фронтом, берет на себя ответственность и вводит на Юго-Западном фронте смертную казнь, и только этим средством после расстрела нескольких десятков человек ему удается сдержать стихийно хлынувшую назад банду “товарищей”, уничтожающих на своем пути все как саранча на поле». Вот как это описывал сам Л.Г. Корнилов: «В ночь с 7 на 8 июля я принял должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта... По всем дорогам брели толпы солдат, дезертировавших из своих частей, производившие грабежи и насилия в попутных селениях... Я приказал расстреливать дезертиров, грабителей, выставляя трупы расстрелянных на дорогах, на видных местах с соответствующими надписями... Ввиду все более усиливающегося развала армий Юго-Западного фронта... я вынужден был усилить строгость принятых уже мер, приказал сформировать особые ударные отряды из юнкеров для борьбы с дезертирами, мародерами и насилиями» (К-в 1919: 6, 8).

Закономерность столь жестоких мер была вызвана рядом объективных обстоятельств, причинами которых были организационный паралич органов государственного и военного управления, процессы деморализации армии, криминализации обстановки. Л.Г. Корнилову «приписывали то, чего многие ждут со страхом или с надеждой: захватить власть и репрессиями закрепить отсутствующий в государстве авторитет, драконовскими методами остановить распад, террором сплотить силы, необходимые для защиты от внешнего натиска и для охраны порядка. Корниловщина в толковании ее современников оказалась носителем идей, которые носятся в воздухе», – так объяснял закономерность трансформации общественного сознания в лояльном восприятии военного террора как инструментария военной диктатуры современник эпохи А.Ф. Петрищев (Петрищев 1917: 299).

Военный террор стал своеобразной зеркальной реакцией на организационную неспособность Временного правительства использовать приоритетное право на насилие со стороны государства после падения царизма. В.Д. Набоков в воспоминаниях констатирует, что «Милюков неоднократно возбуждал вопрос о необходимости более твердой и решительной борьбы с растущей анархией. Это же делали и другие». Но при этом подчеркивал, что не помнит, «чтобы были предложены когда-нибудь какие-нибудь определенные практические меры, чтобы они обсуждались Временным правительством» (Набоков 1924: 108).

Позднее П.Н. Милюков охарактеризовал поражение февральистов как следствие того, что «основная черта, проявленная нашим революционным процессом, составляющая и основную причину его печального исхода, есть слабость русской государственности и преобладание в стране безгосударственных и анархистских элементов» (Милюков 1919: 5), при этом забывая упомянуть об ответственности тех, кто создал причины для «слабости русской государственности» и дал волю анархистской стихии. Следует согласиться с меткой оценкой работы Временного правительства, которую дал В.В. Зеньковский (в 1918 г. – министр исповеданий в правительстве гетмана Украинской державы Павла Скоропадского). Он характеризовал ее как пору «политического лихорадочного бреда, овладевшего на глазах всех “русской стихией”!» (Зеньковский 2011: 59). И кровавая «русская стихия» захлестнула страну волной террора, «и поднялась в деревнях волна аграрных погромов. С ней слились солдатские бунтарские вспышки и погромы в городах» (Петрищев 1917: 317).

Ресурсной базой военного террора являлись представители высшего командования армии и разделявшие их взгляды на будущее Российского государства политические деятели, а также части и

подразделения регулярной армии, сохранившие управляемость и боеспособность.

Таким образом, меры военного террора являлись адекватной реакцией на разгул криминалитета в армейской организации с целью сохранения управляемости войск и пресечения проявлений бесчинств и насилия в отношении мирного населения.

ЛИТЕРАТУРА

Верховский 1992 – *Верховский А.И.* Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 63–68.

Врангель 2002 – *Врангель П.Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 1: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2002. 480 с.

Гиппиус 1990 – *Гиппиус З.Н.* Дневники, 1920. + Гиппиус З. Петербургские дневники 1914–1919. Нью-Йорк; М.: Центр «ПРО»; СП «Саксес», 1990. URL: http://militera.lib.ru/db/gippius_zn/index.html (дата обращения: 20.04.2018).

Гончаров 2010 – 1917. Разложение армии / Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. 496 с.

Гребенкин 2010 – *Гребенкин И.Н.* Офицерство российской армии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 52–66.

Гула 2016 – *Гула Р.В., Гула В.Д.* Агония Левиафана. Ч. I: Пассионарии и юродивые. Политический террор и терроризм в Украине (1900–1914 гг.). Киев: Геопринт, 2016. 342 с.

Гула 2018 – *Гула Р.В., Гула В.Д.* Агония Левиафана. Ч. II: Обреченные и отверженные. Политический террор в Украине (1914–1917 гг.). Киев: Издатель Олег Филюк, 2018. 236 с.

Зеньковский 2011 – *Зеньковский В.В.* Пять месяцев у власти (Воспоминания) / Под ред. М.А. Колерова. М.: REGNUM, 2011. 648 с.

Иргизов 1928 – 1917 год на Киевщине 1928 – 1917 год на Киевщине: хроника событий / Сост.: А. Иргизов и др.; под ред. В. Манилова; Отд. Киев. окрпарткома по изучению истории КП(б)У и Окт. рев. на Украине. Истпарт. Киев: Гос. изд-во Украины, 1928. 583 с.

Кальницкий 1924 – *Кальницкий Я.И.* От Февраля к Октябрю. Воспоминания фронтовика. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1924. 156 с.

К-в 1919 – *К-в Е.* Авантюры Керенского и К°. 2-е изд. Новороссийск: Тип. Черномор. воен. губернатора, 1919. 30 с.

Керсновский 2014 – *Керсновский А.А.* История Русской армии. М.: Директ-Медиа. 2014. 1215 с.

Кравков 2014 – *Кравков В.П.* Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 416 с.

Милюков 1919 – Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 1: Противоречия революции. Киев: Летопись, 1919. 171 с.

Набоков 1924 – Набоков В.Д. Временное правительство воспоминания. М.: Мир, 1924. 132 с.

Петрищев 1917 – Петрищев А. Хроники внутренней жизни // Русское богатство. 1917. Август–октябрь. № 8–10. С. 297–317.

Покровский 1925 – Разложение армии в 1917 году / Центархив; подгот. к печати Н.Е. Какуриным; с предисл. Я.А. Яковлева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. VIII, 190 с. (1917 год в документах и материалах / Под ред. М. Н. Покровского).

Сборник указов 1917 – Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. / Сост. отд. свода законов Гос. канцелярии. Пг.: Гос. типография, 1917. 557 с.

Сенявская 1997 – Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

Стенографический отчет 1917 – Стенографический отчет заседания членов Государственной Думы 1, 2, 3, 4 созывов 27 апреля 1917 г. Пг.: Б.и., 1917. 44 с.

Твердюкова 2007 – Твердюкова Е.Д. Общество и преступный мир: некоторые аспекты взаимоотношений после Февральской революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2, вып. 2. С. 29–34.

Трубецкой 1917 – Трубецкой Е. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства. По поводу статей П.Б. Струве и Н.А. Бердяева // Русская мысль. 1917. Январь. Кн. 1. С. 74–98.

Упорников 2007 – Упорников А.А. «Стыдно за людей, которые... спешат бросить грязью в то, чему раньше поклонялись» // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 59–62.

Цветков 2006 – Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 55–84.

ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 317. Оп. 1. Д. 6100. 37 л.

REFERENCES

Verkhovskiy, A.I. (1992) Rossiya na Golgofe [Russia on the Calvary]. *Voenno-istoricheskij zhurnal – Military Historical Journal*. 10. pp. 63–68.

Wrangel, P.N. (2002) *Zapiski. Noyabr' 1916 g. – noyabr' 1920 g.* [Notes. November 1916 – November 1920]. Vol. 1. Minsk: Kharvest.

Gippius, Z.N. (1990) *Dnevniki, 1920* [The Diaries, 1920]. New York; Moscow: PRO; Saksess. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/db/gippius_zn/index.html (Accessed: 20th April 2018).

Goncharov, V.L. (2010) *1917. Razlozhenie armii* [1917. Decay of the army]. Moscow: Veche.

- Grebенкин, I.N. (2010) Ofitserstvo rossiyskoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny [Russian officers during WWI]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 52–66.
- Hula, R.V. & Gula, V.D. (2016) *Agoniya Leviafana* [The Agony of Leviathan]. Part 1. Kyiv: Geoprint.
- Hula, R.V. & Gula, V.D. (2018) *Agoniya Leviafana* [The Agony of Leviathan]. Part 2. Kyiv: Oleg Filyuk.
- Zenkovskiy, V.V. (2011) *Pyat' mesyatsev u vlasti (Vospominaniya)* [Five Months In Power (Memories)]. Moscow: REGNUM.
- Manilov, V. (ed.) (1928) *1917 god na Kievshchine: khronika sobytiy* [1917 in the Kiev region: a chronicle of events]. Kiev: Gos. izd-vo Ukrainy.
- Kalnitskiy, Ya.I. (1924) *Ot Fevralya k Oktyabryu. Vospominaniya frontovika* [From February to October. Memories of a front-line soldier]. Kharkov: Gos. izd-vo Ukrainy.
- K-в, E. (1919) *Avantury Kerenskogo i K°* [Reckless schemes of Kerensky and K°]. 2nd ed. Novorossiysk: Tip. Chernomor. voen. gubernatora,.
- Kersnovskiy, A.A. (2014) *Istoriya Russkoy armii* [History of the Russian Army]. Moscow: Direkt-Media.
- Kravkov, V.P. (2014) *Velikaya voyna bez retushi. Zapiski korpusnogo vracha* [The Great War without retouching. Corpus doctor's notes]. Moscow: Veche.
- Milyukov, P.N. (1919) *Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii* [The History of the Second Russian Revolution]. Vol. 1. Kiev: Letopis'.
- Nabokov, V.D. (1924) *Vremennoe pravitel'stvo: vospominaniya* [The Provisional Government: (memories)]. Moscow: Mir.
- Petrishchev, A. (1917) *Khroniki vnutrenney zhizni* [Chronicles of inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 8–10. pp. 297–317.
- Pokrovskiy, M.N. (ed.) (1925) *Razlozhenie armii v 1917 godu* [Decomposition of the army in 1917]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
- Russian Provisional Government. (1917) *Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva* [Collected Decrees of the Provisional Government]. Issue 1. Petrograd: Gos. tipografiya.
- Senyavskaya, E.S. (1997) *Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki* [Man in the War. Historical and Psychological Essays]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
- The State Duma. (1917) *Stenograficheskiy otchet zasedaniya chlenov Gosudarstvennoy Dumi 1, 2, 3, 4 sozyvov 27 aprelya 1917 g.* [The verbatim report of the meeting of the members of the State Duma of 1,2,3,4 convocations on April 27, 1917]. Petrograd: [s.n.].
- Tverdyukova, E.D. (2007) *Obshchestvo i prestupnyy mir: nekotorye aspekty vzaimootnosheniy posle fevral'skoy revolyutsii* [Society and the underworld: some aspects of the relationship after the February revolution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Vestnik of Saint Petersburg University*. 2(2). pp. 29–34.

Trubetskoy, E. (1917) Gosudarstvennaya mistika i soblazn gryadushchego rabstva. Po povodu statey P.B. Struve i N.A. Berdyayeva [State mysticism and the temptation of future slavery. Concerning the articles of P.B. Struve and N.A. Berdyayeva]. *Russkaya mysl'*. 1. pp. 74–98.

Upornikov, A.A. (2007) “Stydno za lyudey, kotorye... speshat brosit' gryaz'yu v to, chemu ran'she poklonyalis'” [“It's a shame for people who ... are rushing to throw mud at things they used to worship”]. *Voenno-istoricheskii zhurnal – Military Historical Journal*. pp. 59–62.

Tsvetkov, V.Zh. (2006) Lavr Georgievich Kornilov [Lavr Georgievich Kornilov]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 55–84.

The Central State Historical Archives of Ukraine, Kyiv. Fund 317. List 1. File 6100.

Гула Руслан Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры украиноведения, культуры и документоведения Полтавского национального технического университета им. Ю. Кондратюка (Украина).

Ruslan V. Hula – Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University (Ukraine).

E-mail: rslnhula1@gmail.com

Передерий Ирина Григорьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой украиноведения, культуры и документоведения Полтавского национального технического университета им. Ю. Кондратюка (Украина).

Iryna G. Perederii – Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University (Ukraine).

E-mail: iryna.perederii@gmail.com